

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

ИЗМЕНА
ДРАКОНА.
Я БЕРЕМЕННА
НЕ ДЛЯ ТЕБЯ

Лиссбет Котцова

**Измена дракона. Я
беременна не для тебя**

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Измена дракона. Я беременна не для тебя / Л. Котцова —
«Литнет», 2026

Я хотела сказать мужу, что беременна. В этот вечер я шла к нему с подарком для нашего будущего ребёнка — и с последней надеждой, что между нами ещё можно вернуть любовь. Но Амир, дракон и правитель моего рода, вышел к залу не один. Рядом с ним стояла другая женщина. Красивая. Ядовитая. Уверенная в своей победе. — Самия — моя истинная, — объявил он при всём дворе. А я стояла перед ними с его ребёнком под сердцем и понимала: если скажу правду сейчас — моего малыша заберут. Сделают наследником. Оружием. Собственностью драконьего рода. Поэтому я улыбнулась сквозь боль. И ушла. Только Амир ещё не знает: жена, которую он унизил, носит не просто ребёнка. Во мне просыпается древнее золотое пламя матерей аль-Нур — сила, перед которой когда-то склонялись драконы. Теперь он хочет вернуть меня. Самия хочет уничтожить. А его враг, опасный изгнанный дракон Зейн, первым протягивает мне руку. Но я больше не та женщина, которую можно предать и оставить в тени. Я беременна, Амир. Но больше не для тебя.

Содержание

Глава 1. В день, когда я хотела сказать ему	5
Глава 2. Жена, ставшая лишней	11
Глава 3. Не для тебя	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1. В день, когда я хотела сказать ему

В тот день, когда я узнала, что беременна, солнце над дворцом Амира было особенно белым.

Оно не грело — жгло. Лилось сквозь резные решётки окон тонкими золотыми полосами, разбивалось о мрамор пола, дрожало в чашах фонтанов и ложилось мне на ладони так бережно, будто само небо пыталось коснуться меня первым.

Я сидела у лекаря неподвижно.

Слишком неподвижно.

Даже дышать боялась.

Старый Халид держал мои пальцы на своей ладони и молчал так долго, что у меня внутри всё стало ледяным. Я смотрела не на него — на маленькую медную чашу с водой, стоявшую рядом. Вода дрожала. Или это дрожала я.

— Скажи уже, — прошептала я.

Халид поднял глаза.

Добрые. Уставшие. Слишком старые для дворцовых тайн.

— Госпожа Лейла...

От этого голоса у меня сжалось сердце. Так обычно начинали плохие новости. Так говорили женщины во дворце, когда хотели сделать вид, будто сочувствуют. Так говорили служанки, когда в очередной раз приносили отвары “для плодородия”, а за дверью шептались: пустая жена, бесплодная ветвь, украшение без смысла.

Я приготовилась к боли.

Я уже привыкла к ней.

За два года брака с Амиром я привыкла к слишком многому: к холодной половине постели, к его поздним возвращениям, к взглядам советников, которые скользили по моему животу и тут же становились пустыми. К тому, как женщины рода склоняли головы передо мной — и улыбались, когда я отворачивалась.

Жена дракона должна была дать роду наследника.

А я давала только тишину.

— Вы беременны, — сказал Халид.

Мир остановился.

Даже фонтан, казалось, перестал петь.

Я не сразу поняла слова. Они коснулись меня, но не вошли внутрь. Я смотрела на лекаря, на его губы, на мягкие складки его лица, на тонкие пальцы, сжимавшие мою ладонь, и боялась, что ослышалась.

— Что? — спросила я, и голос мой сорвался.

Халид впервые за много месяцев улыбнулся мне так, будто я была не женой эмира, не женщиной, за которой следят, не пустым сосудом при драконьем дворе.

А просто живой.

— У вас будет ребёнок, госпожа.

Моя рука легла на живот сама. Осторожно. Неловко. Словно я боялась спугнуть чудо.

Там ещё ничего не было видно. Ни округлости, ни тяжести, ни движения. Только я. Только дыхание. Только внезапный свет, который распахнулся внутри так широко, что стало больно.

Ребёнок.

Мой ребёнок.

Наш с Амиром ребёнок.

Я закрыла глаза, и из-под ресниц сразу потекли слёзы.

Не горькие. Не те, что я прятала в подушку, когда Амир проходил мимо моих покоев к своим советникам. Не те, что душили меня после очередного праздника, где мне подносили сладости и говорили: “Пусть следующий год будет щедрее к вашему чреву”.

Нет.

Эти слёзы были тёплыми.

Почти счастливыми.

— Ему нельзя знать сразу, — осторожно сказал Халид.

Я открыла глаза.

— Почему?

Лекарь замаялся. Его взгляд скользнул к двери, за которой стояла моя служанка. Потом к окну. Потом снова ко мне.

— Во дворце много ушей.

Я медленно убрала руку с живота.

— Ты думаешь, кто-то...

— Я думаю, — мягко перебил он, — что эту новость сначала должен услышать ваш муж. Из ваших уст. Не от служанок. Не от советников. Не от тех, кто захочет использовать ребёнка раньше, чем вы успеете обрадоваться ему.

Раньше, чем я успею обрадоваться.

Эти слова задели меня сильнее, чем должны были.

Я знала дворец Амира. Его белые стены, прохладные галереи, внутренние сады, где вода текла по узким каналам между плитами лазурного камня. Здесь всё было красивым. Даже жестокость.

Здесь улыбались, когда предавали.

Здесь целовали край твоего покрывала, а потом шептали за спиной, что эмир ошибся, взяв жену без сильной крови.

Я встала. Ноги были ватными.

— Сегодня вечером приём, — сказала я больше себе, чем Халиду. — Я скажу ему после приёма. Нет... до. До, обязательно до.

Потому что если я скажу Амиру...

Если он узнает...

Может быть, в его глазах снова появится то тепло, которое я помнила.

Я ведь не выдумала его. Не могла выдумать.

Когда-то он смотрел на меня иначе. В первые месяцы после свадьбы Амир заходил ко мне на рассвете, ещё пахнувший ветром и дымом после полёта в драконьей форме. Садился рядом, молчал, касался пальцами моих волос. Он не был нежным мужчиной — такие, как Амир, не умеют быть мягкими открыто. Но он умел делать так, что рядом с ним я чувствовала себя выбранной.

Не купленной договором.

Не отданной родом.

Выбранной.

А потом что-то изменилось.

Сначала редкие ночи без него. Потом холодные завтраки. Потом его пальцы, которые больше не задерживались на моей руке. Потом имя Самии, произнесённое кем-то из женщин слишком сладко и слишком часто.

Самия.

Красавица с чёрными глазами и голосом, похожим на тёплый яд.

Я не хотела думать о ней сегодня.

Сегодня у меня было чудо.

И я собиралась подарить его Амиру.

Золотой браслет лежал в шёлковой коробочке, когда солнце начало клониться к западу.

Я выбрала его давно. Ещё в первый год брака, когда верила в простые вещи: если любишь — тебя не оставят, если ждёшь — к тебе вернутся, если молчишь — твою боль заметят без слов.

На браслете был выгравирован знак рода Амира: дракон, обвивший солнце. Маленький, тонкий, почти детский. Такой браслет надевали наследнику в первую ночь после рождения, чтобы род признал его кровь.

Я провела пальцем по крошечной золотой чешуе.

— Госпожа, — тихо сказала Зара за моей спиной. — Вам пора.

Я подняла голову.

В зеркале стояла женщина в платье цвета топлёного мёда. Тонкая ткань спадала с плеч мягкими волнами, пояс подчёркивал талию, волосы были убраны под золотую сетку, на шее — тонкая цепь с янтарём.

Красивая.

Бледная.

Слишком надеющаяся.

— Как я выгляжу? — спросила я.

Зара не сразу ответила.

Она служила мне с первого дня во дворце и знала больше, чем говорила. Знала, как я ждала шагов Амира по ночам. Как убирала с его стола нетронутые блюда. Как стояла у окна, когда он улетал над пустыней, и делала вид, что просто люблюсь небом.

— Как женщина, которой сегодня должны сказать самые добрые слова, — наконец произнесла она.

Я улыбнулась. Почти.

— Нет. Сегодня скажу я.

Зара подошла ближе, поправила край моего покрывала. Её пальцы были холодными.

— Госпожа... во дворце странное настроение.

— Перед приёмами всегда так.

— Нет. Сегодня иначе. Советники с утра в западном крыле. Госпожа Самия прибыла ещё до полудня.

Моё сердце пропустило удар.

— Самия приглашена на приём. Как и многие.

— Она не в гостевых покоях.

Я медленно повернулась.

Зара опустила взгляд.

— Её разместили в крыле рода.

В крыле рода.

Там жили только те, кто принадлежал семье Амира по крови или браку.

Мне вдруг стало душно.

Я хотела сказать что-то спокойное. Достойное. Такое, что сказала бы жена эмира. Но внутри меня на мгновение проснулась не жена, не госпожа, не женщина, обученная улыбаться при любом ударе.

А испуганная девочка.

— Амир знает? — спросила я.

Зара посмотрела на меня так, что ответ стал не нужен.

Конечно, знает.

Во дворце Амира ни одна дверь не открывалась без его воли.

Я взяла коробочку с браслетом.

Сжала её обеими руками.

Нет.

Сегодня я не позволю страху украсть у меня радость. Не позволю Самии — или слухам о Самии — встать между мной и этим ребёнком.

Может быть, всё объяснимо.

Может быть, Зара ошиблась.

Может быть, я просто слишком устала ждать любви и теперь вижу угрозу там, где её нет.

Я прижала коробочку к груди и вышла.

Зал приёмов сиял.

Сто высоких ламп горели под куполом, отражаясь в полированном мраморе. По стенам тянулись узоры из синей и золотой мозаики, похожие на застывшие языки пламени. В нишах курились благовония: уд, роза, шафран. Воздух был густым, сладким, праздничным.

И чужим.

Когда я вошла, разговоры стали тише.

Не замолкли — нет. Двор никогда не был так милосерден. Просто голоса опустились на полтона, а взгляды поднялись ко мне.

Я шла медленно.

Каждый шаг отдавался в груди.

Вот старший советник Насир — склонился слишком низко, но глаза его остались насмешливыми.

Вот жёны младших лордов — прижали ладони к губам, будто прятали улыбки.

Вот двоюродная сестра Амира — посмотрела сначала на мой живот, потом на моё лицо.

Я выпрямилась.

Вы не знаете, сказала я им мысленно.

Вы ещё ничего не знаете.

У меня под сердцем — наследник.

Моя тайна.

Моё спасение.

Моя последняя надежда.

Я увидела Амира не сразу.

Сначала почувствовала.

Так всегда бывало. В зале могло быть сотни людей, но когда он входил, воздух менялся. Становился тяжелее, горячее. Драконья кровь в нём не нуждалась в крике. Она подчиняла пространство молчанием.

Он стоял у дальних ступеней, ведущих к трону.

Высокий. Тёмноволосый. В чёрном кафтани, расшитом серебром. На его пальцах горели перстни рода, на запястье — широкий браслет власти. Лицо спокойное, почти каменное.

Мой муж.

Мой Амир.

Отец моего ребёнка.

Я сделала шаг к нему.

И тогда увидела Самию.

Она стояла рядом.

Не позади. Не в стороне, как гостя.

Рядом.

На ней было алое платье, и этот цвет казался вызовом всему залу. Волосы падали на плечи чёрной волной, губы улыбались мягко, но глаза... глаза смотрели на меня так, будто она уже знала, где будет моя могила.

Её рука лежала на предплечье Амира.
Мир качнулся.
Я остановилась.
Коробочка с браслетом стала тяжёлой, как камень.
Амир поднял взгляд и увидел меня. На одно мгновение — только на одно — что-то дрогнуло в его лице. Не нежность. Нет. Скорее тень. Вина? Сожаление? Раздражение?
Я не успела понять.
Он отвернулся к залу.
— Сегодня, — произнёс Амир, и его голос разошёлся под куполом ровно и властно, — мой дом принимает решение, которое изменит судьбу рода.
Люди замерли.
Я слышала, как где-то рядом женщина втянула воздух.
Мои пальцы онемели.
Скажи ему сейчас, отчаянно подумала я. Подойди. Останови. Скажи: “Амир, у нас будет ребёнок”.
Но ноги не двигались.
Гордость держала меня за горло крепче страха.
Амир протянул руку Самии.
Она вложила свои пальцы в его ладонь.
Так легко.
Так уверенно.
Так, будто делала это уже тысячу раз там, где никто не видел.
— Дракон не может идти против истины крови, — сказал Амир. — И я не стану лгать своему роду.
Я перестала дышать.
Нет.
Нет, только не это.
Самия подняла подбородок. На её шее, чуть ниже уха, вспыхнул тёмно-золотой знак.
Метка. Живая, пульсирующая, будто под кожей шевелилось пламя.
Кто-то ахнул.
А я стояла посреди зала с подарком для нашего нерождённого ребёнка и чувствовала, как что-то внутри меня медленно, беззвучно ломается.
Амир посмотрел прямо на меня.
И произнёс:
— Самия — моя истинная.
Тишина после этих слов была страшнее крика.
Она рухнула на меня сразу, всей тяжестью купола, мрамора, взглядов, чужих улыбок, чужого торжества.
Моя истинная.
Не я.
Два года брака. Две зимы ожидания. Две весны надежды. Все мои молитвы. Все ночи, когда я оправдывала его холодность усталостью, долгом, заботами рода.
Всё это оказалось меньше одной женщины в алом.
Самия шагнула ближе к Амиру.
А я вдруг почувствовала странное тепло под ладонью. Опустила глаза и увидела: коробочка с браслетом раскрылась. Золотой браслет лежал на шёлке, сияя в свете ламп.
Такой маленький.
Такой ненужный.
Для ребёнка, о котором его отец ещё не знал.

И, может быть, уже не имел права знать.
— Лейла, — сказал Амир.
В его голосе было предупреждение.
Не просьба.
Не боль.
Предупреждение.
Будь достойной. Молчи. Не позорь меня.
Я подняла на него глаза.
В груди не осталось воздуха, но сердце билось. Билось так сильно, будто ребёнок внутри
меня уже стучал маленьким кулаком в закрытую дверь мира.
Я сделала вдох.
Раз.
Другой.
И улыбнулась.
Не потому, что мне не было больно.
А потому, что если я сейчас заплачу, они победят.
Все.
Самия смотрела на меня с нежной, почти ласковой жестокостью.
Амир ждал покорности.
Двор ждал падения.
А я стояла перед ними с разбитым сердцем и тайной под ним.
Мой ребёнок.
Мой.
Я закрыла коробочку.
Тихо.
Почти бережно.
И в этот миг поняла: сегодняшний день должен был стать самым счастливым в моей
жизни.
Он стал днём, когда я перестала быть женой, которая ждёт любви.
Но ещё не стала женщиной, которая уйдёт.
Пока — нет.
Пока я только смотрела на мужчину, которого любила, и впервые понимала:
иногда измена не убивает сразу.
Иногда она оставляет тебя стоять.
Дышать.
Улыбаться.
Чтобы ты почувствовала каждый удар до конца.
И я почувствовала.
До последней капли.
До последнего взгляда.
До последнего слова, которое Амир произнёс уже не для меня, а для всего зала:
— Отныне Самия будет признана моим домом как женщина, предназначенная мне судь-
бой.
А я прижала коробочку к животу.
И впервые за два года брака не попросила у неба любви.
Я попросила только сил.
Потому что под моим сердцем билось маленькое пламя.
И теперь я должна была выжить не для себя одной.

Глава 2. Жена, ставшая лишней

После слов Амира зал не взорвался.

Он замер.

И это было страшнее.

Я бы выдержала крик. Возмущение. Шум. Даже жалость, произнесённую вслух. Но тишина... тишина в большом дворцовом зале была похожа на ладонь, прижатую к моему рту.

Никто не дышал.

А потом мир снова начал жить — но уже без меня.

Сначала где-то справа тихо звякнул бокал. Потом прошелестела ткань. Потом кто-то слишком быстро втянул воздух. Потом по залу прокатился шёпот — тонкий, ядовитый, как змеиный след на песке.

— Истинная...

— Значит, всё это время...

— А жена?

— Бедная Лейла...

— Не бедная. Пустая. Дракон не бросает полную чашу.

Я слышала всё.

Каждое слово.

Даже те, что не были сказаны.

Я стояла посреди зала в платье цвета мёда, с золотой коробочкой в руках, и вдруг поняла: они смотрят не на женщину. Не на жену своего эмира. Не на ту, кто два года улыбалась им на праздниках, принимала их просьбы, раздавала милостыню их вдовам, молилась за их сыновей перед военными вылетами.

Они смотрели на место, которое освободилось.

На пустой трон рядом с Амиром.

На покои, которые теперь займёт другая.

На имя, которое можно будет произносить уже без почтения.

Лейла.

Бывшая жена.

Неудачная жена.

Лишняя жена.

Амир стоял на возвышении, и его лицо оставалось спокойным. Красивым. Невыносимо спокойным. Он будто не видел, что только что разрезал меня при всех, аккуратно, без крови, без крика, одним движением губ.

Самия рядом с ним сияла.

Нет, не просто сияла — принимала зал, как принимает корона голову новой царицы. Она не прятала улыбку. Её пальцы всё ещё лежали на руке Амира, и я видела, как легко он позволял ей это.

Когда-то я ждала недели, чтобы он сам коснулся моей руки при людях.

И если это случалось, потом всю ночь вспоминала тепло его пальцев.

Глупая.

Какая же я была глупая.

— Лейла, — сказал Амир.

Мой взгляд поднялся к нему сам.

В его голосе не было нежности. Не было просьбы. Там была власть. Привычная, холодная, безупречная власть мужчины, который всегда получал покорность прежде, чем успевал её потребовать.

— Подойди.

Зал снова затих.

Я поняла, чего он хочет.

Он хотел, чтобы я подошла. Чтобы встала перед ним и Самией. Чтобы склонила голову перед его решением. Чтобы стала частью красивого спектакля, где преданная жена ведёт себя достойно, а великий дракон выглядит благородным, а новая истинная — невиновной.

Он хотел, чтобы я сама помогла им не выглядеть чудовищами.

Я не двигалась.

Коробочка в ладони давила на пальцы. Внутри лежал браслет наследника — подарок, который уже казался издевательством. Маленькое золотое солнце для ребёнка, о котором его отец ещё не знал.

И не должен узнать.

Не сейчас.

Не здесь.

— Лейла, — повторил Амир тише.

Теперь это было предупреждение.

Я сделала шаг.

Потом ещё один.

Мрамор под ногами был гладкий, зеркальный. В нём отражались лампы, алое платье Самии, чёрный силуэт Амира и я — бледная, прямая, будто не живая, а вырезанная из слоновой кости.

Когда я поднялась на первую ступень, кто-то из женщин тихо вздохнул. Я не посмотрела. Если бы посмотрела — сломалась бы. Если бы увидела жалость в чужих глазах, позор стал бы настоящим.

А пока он был только внутри.

Только мой.

Я дошла до Амира и остановилась на расстоянии вытянутой руки.

Не ближе.

Самия чуть наклонила голову.

— Госпожа Лейла, — произнесла она мягко.

Какая красивая у неё была мягкость. Шёлковая. Отравленная.

Я не ответила.

Амир посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах на мгновение мелькнуло раздражение — не от того, что мне больно, а от того, что я не помогала ему скрыть эту боль.

— Ты слышала моё решение, — сказал он.

Моё решение.

Не судьбу. Не трагедию. Не ошибку.

Решение.

Я заставила себя разжать губы.

— Слышала.

Голос оказался не моим. Сухим. Спокойным. Далёким.

Амир едва заметно кивнул, будто я выдержала первое испытание.

— Истинная связь выше брачного договора, — произнёс он так, чтобы слышали все. —

Таков закон крови.

Закон крови.

Странно.

Когда я ночами плакала в пустой постели, закон крови молчал.

Когда во дворце шептали, что я бесплодна, закон крови молчал.

Когда я молилась о ребёнке, которого теперь носила под сердцем, закон крови тоже молчал.

А сегодня он вдруг заговорил голосом моего мужа.

— Наш брак останется уважаемым союзом, — продолжил Амир. — Твоё положение будет сохранено. Ты не будешь изгнана. Дом позаботится о тебе.

Дом.

Не он.

Дом.

Я медленно вдохнула.

В груди что-то треснуло, но я не позволила этому звуку выйти наружу.

— Как великодушно, мой эмир, — сказала я.

Тишина стала острее.

Амир чуть сузил глаза.

Самия улыбнулась сильнее.

— Лейла, — в его голосе появилась сталь.

Я опустила ресницы.

Да. Вот так. Покорно. Тихо. Достоинно.

Ведь именно такой он хотел меня видеть.

Именно такую жену удобно предавать.

Самия сделала шаг ко мне. Запах её благовоний коснулся моего лица — жасмин, тёмная роза и что-то горькое, почти металлическое. Её метка под кожей горела приглушённым золотом.

— Я понимаю, как вам трудно, — сказала она тихо, но так, чтобы ближайшие услышали. — Сердце не всегда успевает принять то, что кровь уже признала.

Я посмотрела ей в глаза.

Вблизи она была ещё красивее. Безупречная кожа, длинные ресницы, губы, созданные для улыбок, которым нельзя верить. Она смотрела на меня почти ласково.

Как на служанку, которую жаль выгнать в дождь.

— Не утруждайтесь сочувствием, — ответила я.

Самия наклонилась ближе.

Её улыбка не дрогнула.

— О, я и не сочувствую.

Слова коснулись моего уха, тихие, как шорох шелка.

— Теперь ты просто тень в его доме.

Я застыла.

Всего на миг.

Но этого мига ей хватило.

Самия отстранилась и снова стала кроткой, сияющей, достойной женщиной, выбранной судьбой. Для зала она была нежна. Для Амира — смиренна. Для меня — ножом.

Тень.

В его доме.

Я хотела ударить её.

Хотела. Так сильно, что пальцы сами сжались на коробочке. Края впились в кожу, но я почти не почувствовала боли.

Амир смотрел на нас.

Он видел? Слышал? Понимал?

Или ему было удобно не понимать?

— Я не стану мешать вашему... счастью, — сказала я.

Слово “счастью” далось мне тяжело. Оно ободрало горло изнутри.

— Это мудро, — произнёс Амир.

Мудро.

Не больно.

Не достойно сожаления.

Мудро.

Я кивнула. Очень медленно. Если бы я сделала это быстрее, голова закружилась бы. Ребёнок внутри меня был ещё совсем крошечным, но я вдруг почувствовала его — не движением, нет. Чем-то другим. Тонким теплом под сердцем.

Будто маленькое пламя спросило:

“Мама?”

Я едва не всхлипнула.

Нет.

Нельзя.

Никто не должен знать.

Ни Амир. Ни Самия. Ни этот зал, где улыбаются твоей смерти, если она красиво оформлена.

— Я могу идти? — спросила я.

Амир не сразу ответил.

Мне показалось, что в его лице что-то дрогнуло. Может быть, ему не понравилось, как прозвучал мой вопрос. Слишком ровно. Слишком пусто. Женщина, которую предали, должна была страдать заметнее. Иначе предатель не чувствует своей власти.

— Ты останешься до конца приёма, — сказал он.

Сначала я не поняла.

Потом поняла — и внутри всё стало тихим.

Очень тихим.

Он хотел, чтобы я стояла здесь. Рядом. Пока двор будет поздравлять его и Самию. Пока люди будут склоняться перед новой избранницей. Пока старые женщины будут целовать ей руки. Пока мужчины будут говорить Амиру, что судьба благословила его род.

А я буду рядом.

Как доказательство его силы.

Как сломанная вещь, которую не выбросили только потому, что хозяин решил показать милость.

— Нет, — сказала я.

Слово вырвалось само.

Короткое.

Глухое.

Невозможное.

В зале кто-то ахнул.

Амир медленно повернул голову ко мне.

— Что?

Я подняла глаза.

Впервые за весь вечер посмотрела на него не как жена, которая ждёт пощады. А как женщина, у которой отняли всё, кроме последней границы.

— Я сказала: нет.

Его взгляд потемнел.

Драконья сила дрогнула в воздухе. Лампы под куполом качнулись, хотя ветра не было. Где-то у дальней стены зазвенела посуда.

Но я не отступила.

Потому что если отступлю сейчас, моему ребёнку однажды расскажут, что его мать стояла и молчала, пока её превращали в тень.

— Ты забываешься, Лейла, — произнёс Амир.

— Нет, — ответила я. — Я впервые вспоминаю себя.

Его лицо стало каменным.

Самия смотрела на меня уже без улыбки.

И именно это, странно, дало мне силы.

Я поклонилась — не низко, не униженно, только настолько, насколько требовал дворцовый этикет. Потом развернулась.

Шаг.

Другой.

Зал расступался передо мной, как вода перед телом, которое уже не пытаются спасти.

Я почти дошла до середины, когда услышала за спиной голос Самии:

— Госпожа Лейла.

Я остановилась.

Не надо было.

Но остановилась.

— Вы забыли поздравить своего мужа, — сказала она.

Шёпот пронёсся по залу волной.

Я медленно повернулась.

Самия стояла рядом с Амиром. Алое платье. Чёрные волосы. Победа в каждом изгибе губ.

— С чем? — спросила я.

Она улыбнулась.

— С тем, что судьба наконец дала ему настоящую женщину.

Вот тогда коробочка в моей руке треснула.

Не громко.

Тихо.

Почти незаметно.

Острый край золочёного дерева вошёл в ладонь. Боль вспыхнула горячо, резко, как искра в сухой траве. Я опустила взгляд.

На коже выступила кровь.

Одна алая капля.

Потом вторая.

Они скатились по пальцам и упали на белый мрамор.

Я хотела сжать ладонь, спрятать, уйти, исчезнуть — но не успела.

Кровь коснулась пола.

И вспыхнула.

Не красным.

Золотым.

Маленькое пламя поднялось над мрамором, тонкое, живое, яркое, как солнечный луч, которому дали сердце. Оно не жгло камень. Не дымило. Не исчезало.

Просто горело.

И весь зал увидел.

Шёпот оборвался.

Амир сделал шаг вниз со ступеней.

Самия побледнела.

А я стояла посреди зала, с раненой ладонью, с ребёнком под сердцем, с разбитым браслетом в пальцах — и смотрела на золотой огонь, который не должен был существовать.

Огонь поднялся выше.
Будто узнал меня.
Будто звал по имени, которого я ещё не знала.
И впервые за этот вечер страх появился не у меня.
А в глазах тех, кто смотрел на меня.

Глава 3. Не для тебя

Золотой огонь погас не сразу.

Он ещё несколько мгновений стоял на мраморе — тонкий, живой, невозможный. Казалось, в самом сердце дворца вдруг распустился маленький солнечный цветок, и никто не знал, должен ли он дарить свет или сжигать.

Я смотрела на него и не могла пошевелиться.

Моя кровь горела.

Моя.

Не кровь драконов. Не огонь Ами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.